Е.С. Марей

ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЯ В СТИХАХ ЕВГЕНИЯ ТОЛЕДСКОГО И ЕГО ПАРАЛЛЕЛИ С «КНИГОЙ ПРИГОВОРОВ» (LIBER IUDICIORUM)

Статья посвящена образу идеального правителя в стихотворениях Евгения Толедского. Епископ Толедо Евгений (646–657) в своих стихах воспел образ идеального правителя. В целом его идеал совпадает с тем, что был сформулирован Исидором Севильским (560–636). Основой всех королевских добродетелей является благочестие. Монарх, почитающий Господа и повинующийся Его заповедям, признается справедливым, мудрым и милосердным. После смерти такого правителя ждет пурпурное одеяние и золотая корона. Тот же самый образ короля-законодателя был сформулирован и в своде законов Толедского королевства («Книге приговоров»), обнародованном в 654 г. Свод законов был принят на общегосударственном Толедском соборе, где председательствовал Евгений. По всей видимости, он внес соответствующие дополнения в текст судебника.

Ключевые слова: Толедское королевство, Liber Iudiciorum, Евгений Толедский, Браулион Сарагосский, образ правителя.

Представления об идеальном монархе традиционно являлись предметом размышлений выдающихся писателей Толедского королевства. Основные черты этого образа были сформулированы уже Исидором Севильским (ок. 560–636 гг.) – «rex a recte regendo»[1]. Сформулированный Исидором идеал был закреплен не только в его произведениях, но и в законодательстве королевства, а именно в первой книге «Книги приговоров» (Liber Iudiciorum), обнародованной в 653–654 гг.[2] Вместе с тем он не превратился в застывший канон, но продолжал развиваться в трудах учеников и последователей Исидора: Браулиона Сарагосского, Евгения и

© Марей Е.С., 2012

Юлиана[3] Толедских. Евгений, латинский поэт, среди прочего, является автором нескольких стихотворений, в которых описываются пороки и добродетели властей предержащих. Они являются неотъемлемой частью общего политического и культурного контекста своей эпохи и ценнейшим источником по истории представлений о королевской власти VII в., практически не использованным ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе. В настоящей статье я постараюсь восполнить этот пробел.

Евгений Толедский – продолжатель традиции Исидора

Биография Евгения Толедского известна главным образом благодаря «Книге о знаменитых мужах» его преемника, епископа Ильдефонса (657–667), а также переписки его учителя Браулиона Сарагосского (631–651) и короля Хиндасвинта (642–653). Евгений родился в Толедо в конце VI в.[4], в этом же городе принял сан клирика. Вскоре он удалился в Сарагосу, где стал учеником епископа Браулиона. Ильдефонс сообщает, что он усердно изучал монашеский устав, а также предавался неким «ученым занятиям» (очевидно, чтению Священного Писания и сочинений Отцов Церкви)[5].

Об интеллектуальных предпочтениях Евгения мы можем судить на основании его «Стиха о библиотеке», где он описывает собственное книжное собрание[6]. Прежде всего, он упоминает все книги Ветхого и Нового Заветов[7]. В отличие от Исидора, у которого, по его собственному признанию, на полках стояли рядом сочинения и античных, и христианских авторов[8], Евгений языческих авторов не упоминает вообще. Правда, анализ его произведений свидетельствует, что на самом деле он неплохо знал античную поэзию[9]. Однако он использовал ее преимущественно чисто технически: выразительные средства, изобретенные, среди прочего, и римскими поэтами, помогали Евгению славить Господа и проповедовать ценности благочестивой христианской жизни.

Браулион посвятил молодого послушника в архидьяконы, и вскоре Евгений стал для него незаменимым помощником в церковных делах. Вероятно, епископ хотел бы видеть его своим преемником, но король Хиндасвинт решил иначе. Услышав об образованности и способностях Евгения, он пожелал видеть его на кафедре Толедо. Мольбы Браулиона оставить ученика при нем не дали результатов[10], и в 646 г. Евгений был рукоположен в сан митрополита. В этом качестве он председательствовал на VII (646 г.),

VIII (653 г.), IX (655 г.) и X (656 г.) толедских соборах[11]. VIII общегосударственный собор имел историческое значение: присутствовавшие на нем прелаты, король и члены его совета (officium palatinum) приняли новый свод законов королевства, известный как Liber Iudiciorum. Через четыре года после его проведения, в ноябре 657 г., Евгений скончался.

Место правовых сюжетов в поэзии Евгения

Отмеченный поэтическим талантом, Евгений создал книгу стихов и сборник небольших прозаических произведений. По свидетельству Ильдефонса, обе эти книги были очень популярны (ad industria multorum)[12], однако до наших дней дошел лишь поэтический сборник. Он включает в себя 101 стихотворение, авторство которых не оспаривается, и еще 52 произведения, которые с очень большой долей вероятности можно приписать епископу Толедо. Принято считать, что наиболее плодотворными в поэтическом отношении были годы, проведенные Евгением в Сарагосе[13]. Темой некоторых его стихов стали святые места этого города и его окрестностей: гробница сарагосских мучеников, базилика Эмилиана, базилика св. Винсента и др.

Значительную часть стихотворений Евгения составляют эпитафии, среди которых наибольший интерес вызывают адресованные королям: одна, составленная по случаю кончины короля Хиндасвинта[14], другая – на смерть жены Рецесвинта королевы Рециберги[15], и наконец, брачная эпитафия короля Рецесвинта[16]. Эти посмертные посвящения были написаны явно не по заказу и не предназначались для обнародования; следовательно, Евгений высказал в них напрямую все, что он думал о королевской семье[17].

Следующая группа стихов – назидательные моно- и дистихи. Как правило, их тематикой становились взаимоотношения человека с окружающими, его нравственные достоинства или недостатки и, конечно, вопросы святости и благочестия. Некоторые мысли, намеченные в этих коротких стихотворениях, Евгений развивал дальше. Предметом его размышлений становилась краткость человеческой жизни и сопутствующие ей немощь, старость и болезни[18].

Наконец, последнюю группу составляют стихотворения, авторство которых до конца не установлено. Принято считать, что им был Евгений Толедский, так как о существовании в его время в

Вестготской Испании других поэтов мы ничего не знаем. Среди них выделяется цикл стихов, посвященных приличествующим королю добродетелям[19]. В них поэт, по всей видимости, обращается не к конкретному лицу, а к правителям вообще, что делает их особенно интересными в контексте настоящей работы.

Король (rex) в поэзии Евгения и в Liber Iudiciorum

Хотя произведения Евгения адресованы абстрактному правителю, все же такого рода стихотворения могли появиться только при определенных культурно-исторических условиях. Вряд ли Евгений стал бы писать их при господстве Хиндасвинта: король был уже сложившимся политиком (он вступил на престол в 79-летнем возрасте) и потому, вероятно, славился непреклонностью и нетерпимостью. К тому же Евгений откровенно недолюбливал монарха: в эпитафии Хиндасвинт удостоился самых нелестных эпитетов: он был назван нечестивым, несправедливым, безнравственным злодеем, готовым на любую подлость[20]. Все надежды на благое правление Евгений (как и многие другие его современники, например Браулион)[21] должен был связывать с молодым королем Рецесвинтом.

Итак, обращаясь к королю вообще, толедский поэт видел перед глазами именно Рецесвинта. Исходя из этого, мы можем вычислить приблизительную датировку сборника. Он не мог быть составлен ранее 649 г., когда Рецесвинт стал соправителем своего отца. Но еще вероятнее, что Евгений закончил работу над ним ок. 653–654 гг., то есть в первые годы единоличного правления молодого короля. В стихах прелат выступает в роли мудрого наставника, что вполне соответствовало его реальному положению – в то время Евгений стоял во главе испанской Церкви и слыл одним из старейших и образованнейших епископов.

Итак, каким был этот идеал? Прежде всего, правитель должен помнить, что ключ к процветанию его королевства заключается в соблюдении принципов справедливости (iustitia), которой посвящено одноименное стихотворение[22]. По мнению Евгения, жить по справедливости означает жить по закону (legaliter). Происхождение закона, по версии толедского поэта, таково: сам Господь начертал на камне нормы, которым нужно следовать, а затем повелел переписать их и распространить[23]. Тем самым Евгений отсылает читателя к истории Моисея, получившего из рук Господа скрижа-

ли с заповедями[24] и одновременно к пятой книге «Этимологий» Исидора, где Моисей назван первым законодателем[25]. По мнению Евгения, главная забота правителя состоит в том, чтобы установить и поддерживать инспирированный Господом справедливый порядок во всем королевстве[26]. Здесь автор полностью повторяет идеи, высказанные Исидором[27].

Итак, в стихотворении Евгения, посвященном наилучшему государственному устройству, ключевым является понятие iustitia. Однако для идеального монарха одной справедливости недостаточно. Другие качества, присущие идеальному монарху, появились под влиянием произведений Исидора Севильского (главным образом его «Сентенций»). Это милосердие (misericordia) и кротость (clementia)[28]. Для Евгения милосердие или сострадание (misericordia) заключается в помощи слабым и обездоленным[29]. Кротость же (clementia) постоянно присуща монарху и «сияет на челе правителя ярче золота и серебра»[30].

В целом идеальный правитель в представлении Евгения – прежде всего богобоязненный христианин. Епископ Толедо оставил ряд предписаний такого рода: с них цикл его стихов начинается, ими же и заканчивается. Прежде всего, автор просит короля возлюбить всей душой Господа и с радостью исполнять Его предписания, ведь именно Бог доверил ему царский венец[31]. Кроме любви, королю подобает испытывать перед Господом священный трепет, под давлением которого правитель (как и все христиане) остается послушным божественному закону[32]. Сверх того, Евгений обосновал необходимость отдать Господу десятую часть королевской казны. Следуя логике толедского епископа, десятина является выражением заслуженной благодарности Господу за Его доброту: ведь именно Бог дал королю власть над страной и народом, и только при Его благоволении правление может быть благополучным и счастливым[33]. Тем более что не кто иной, как Господь, наполнил королевскую сокровищницу золотом, драгоценными камнями и пурпурным одеянием[34].

От земных богатств Евгений переходит к истинным сокровищам, находящимся на небесах и доступных лишь праведникам[35]. Сначала епископ описывает блаженство, которое испытывает безгрешная душа, попавшая в рай: там ее ожидает вечная, непреходящая радость, общество таких же безгрешных душ, а также ангельский хлеб и питье[36]. Идеальный правитель достоин награды большей, чем награда рядового праведника. После смерти он облачится в прекрасный длинный плащ (pendentia pallia), украсится драгоценными камнями

(gemma), и все атрибуты королевской и воинской власти – перстень, браслеты, ожерелье, головная повязка-корона – будут сделаны из чистого золота[37]. Таким образом, в загробной жизни король не только не утратит свою славу и величие, но и во много раз преумножит их. Тот же самый образ, переданный в похожих выражениях, мы видим и в «Книге приговоров» (LI. I.2.6)[38].

Чтобы понять, каким именно образом достичь цели своего правления – процветания страны и граждан, – монарху необходимо обладать мудростью. Это качество передано Евгением через два слова – sapientia и prudentia, каждому из которых он посвятил отдельное стихотворение. Исидор Севильский проводил между ними такое различие: «Рассудительность (prudentia) касается людских предметов, мудрость (sapientia) – божественных»[39]. Точно так же их понимал и епископ Толедо. Для него prudentia выступает неким регулятором поведения правителя. Например, рассудительностью должны быть пронизаны его мысли и речи[40]. А вот мудрость (sapientia) необходима для того, чтобы постичь замысел единого и истинного царя, т. е. Бога (coniungere vero regi uno)[41]. Правителя, наделенного этим качеством, в загробной жизни ожидает корона (а с ней и неограниченная власть), пурпурный плащ и вечное блаженство[42].

Интересно, что по «Книге приговоров» король получает ту же самую награду за успешное правление – корону и пурпурное одеяние[43]. Совпадения с судебником Рецесвинта заметны в других стихотворениях Евгения, например «О мире» (De pace). В нем поэт воспевает мир как необходимое условие процветания государства: ведь именно он прекращает споры (lites) и разногласия (discordia) среди граждан[44]. Автор первой книги судебника Рецесвинта тоже тесно связывает понятия мира внутри государства, основанного на соблюдении законов, с согласием граждан[45].

Совпадения образов в стихах Евгения с идеями, сформулированными в первой книге судебника, требуют объяснения. «Книга приговоров» и сборник стихотворений были созданы практически одновременно; свод законов стал неким манифестом, в котором отразились надежды и требования, предъявляемые правителю епископатом. Так что нет ничего удивительного в том, что Евгений, воспевая идеал монарха, подчас использует те же самые образы (corona, tegimen purpureum, concordia etc.). При этом толедский епископ не мог быть редактором свода. Принято считать, что эту работу проделал его учитель, епископ Сарагосы Браулион[46]. Косвенным доказательством этой гипотезы является переписка сарагосского епископа и короля Рецесвинта, где речь идет о некоем кодексе,

редактируемом Браулионом[47]. Кроме того, поэзия Евгения отличается ясным слогом, не отягощенным сложными синтаксическими конструкциями, тогда как стиль и первой книги судебника, и произведений Браулиона торжественно-тяжеловесен и изобилует метафорами и плеоназмами. Но это вовсе не означает, что Евгений оказался непричастным к новому своду законов.

«Книга приговоров» была принята на VII Толедском соборе, проходившем под председательством Евгения. Согласно регламенту проведения собора, текст свода законов должен был оглашаться вслух для того, чтобы участники могли внести в него правку[48]. Следовательно, Евгений вполне мог корректировать или переформулировать некоторые положения, отсюда – совпадения отдельных терминов. Если дело обстояло именно так, то Евгения Толедского следует считать одним из соредакторов судебника, хотя основная работа, по-видимому, была все же проделана Браулионом.

* * *

Итак, по представлениям Евгения Толедского, правитель является главным образом инструментом для исполнения Божьей воли. Поэтому поэт столь настойчиво проводит идею благочестия короля, ведь оно является фундаментом, без которого все остальные добродетели будут напрасны. Практически в каждом стихотворении Евгений Толедский поминает Господа, так что все благие поступки правителя, в конечном счете, совершаются во славу Царя небесного. В этом смысле епископ Толедо однозначно стоит на позициях богослова, а не правоведа.

В остальном идеал правителя в стихах Евгения далеко не оригинален. В целом он совпадает с тем образом, который был сформулирован в «Сентенциях» Исидора Севильского, и отличается лишь незначительными деталями. Этой общей основой и объясняется совпадение рассмотренного идеала с тем, который описан в Liber Iudiciorum. В конечном итоге и Браулион, и Евгений, участвуя в редакции свода законов, перенесли туда те требования, которые предъявлял к правителю Исидор Севильский.

Принятые сокращения

Braul. ep. ad Fron. – Braulionis epistola ad Fronimiamum // Sancti Braulionis Caesaraugustani episcopi vita S. Emiliani / Ed. L. Vazquez de Parga. Madrid, 1943.

Conc. – [Concilium] La colección canónica hispana / Ed. G. Martínez Diez, F. Rodríguez // Monumenta Hispaniae sacra: Serie canónica. Vol. 1–6. Madrid, 1966–2006.

ESB – Epistolario de San Braulio / Introd., ed., trad. por L. Riesco Terrero. Sevilla, 1975.

Eugenii Carmina – *Eugenii* Carmina // MGH. AA. Berolini, 1905. T. 14. P. 231–270.

Eugenii Carmina dubia – *Eugenii* Carmina dubia // MGH. AA. Berolini, 1905. T. 14. P. 271–282.

Hildefonsi DVI – *Ildefonsi (Hildefonsi) Toletani episcopi* De viris illustribus / Ed. C. Codoñer Merino // Ildefonsi Toletani episcopi. De virginitate Sanctae Mariae, De cognitione baptismi, De itineri deserti, De viris illustribus. CC, series latina, CXIV A. Turnhout: Brepols, 2007. P. 475–642.

Isidori Differ. – [Isidori Differrentiarum libri II]. *Isidoro de Sevilla* Diferencias / Introducción, edición crítica, traducción y notas por C. Codoñer Merino. Paris: Les Belles Lettres, 1992.

Isidori Etym. – *Isidori Hispalensis Episcopi* Etymologiarum sive Originum libri XX / Ed. by W.M. Lindsay. Oxford, 1911. 2 vol.

Isidori Sent. – *Isidorus Hispalensis* Sententiae // Cura et studio Pierre Cazier. Corpus Christianorum. Series latina CXI. Turnholti, 1997.

Isidoriana – Isidoriana. Colección de estudios sobre Isidoro de Sevilla, publicados con ocasión del XIV Centenario de su nacimiento por M.C. Díaz y Díaz. León: Cenro de estudios «San Isidoro», 1961.

LI – [Liber Iudiciorum]. Leges Visigothorum / Ed. K. Zeumer // MGH: LL. Berolini, 1902.

MGH. AA. – Monumenta Germaniae Historiae. Auctores antiquissimi.

PL. – Patrologiae cursus completus. Series latina / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1844–1864.

Примечания

[1] *Isidori*. Etym. IX.3.4. Подробнее об образе идеального правителя в трудах Исидора см.: *Baloch J*. «Rex a recte regendo» // Speculum. 1929. Vol. 3. № 4. P. 580–582; *Reydellet M*. La conception du souverin chez Isidore de Séville // Isidoriana. P. 457–466; *King P.D*. Les royaumes barbares // Histoire de la pensée politique médiévale 350–1450 / Ed. J.H. Burns. Paris, 1993. P. 138; *Cazier P*. Isidore de Séville et la naissance de l' Espagne catholique. Paris, 1994. P. 235–262; etc.

[2] *Ауров О.В.* О римских истоках идеала короля-законодателя в Вестготской Испании середины VII в. // Кентавр / Centaurus. Studia classica et mediaevalia. 2008. № 4. С. 86–115.

[3] *Криницына Е.С.* «*Nostre parti procul dubio patet iustitia*...»: образ правителя Толедского королевства VII века в переписке Браулиона Сарагосского // Вестник РГГУ. 2008. № 12. Сер. «Исторические науки. История / Studia classica et mediaevalia». С. 114–126; *Никольский И.М.* Образ идеального правителя в литературе Вестготской Испании второй половины VII в. (по данным «Истории короля Вамбы» Юлиана Толедского) // Вестник РГГУ. 2010. № 2. Сер. «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». С. 46–63; *Teillet S.* Des Goths à la nation gothique. Les origines de l'idée de nation en Occident du Ve au VIIe siècles. Paris, 1984. P. 609–610.

[4] *Pérez de Urbel J.* San Eugenio de Toledo // La patrologia Toledano-visigoda. XXVII semana española de teología. Madrid, 1970. P. 196–197.

[5] *Hildefonsi* DVI.14.

[6] *Eugenii* Carmina. 8. Versus in bibliotheca.

[7] *Eugenii* Carmina. 59. Versus in bibliotheca, 28–38.

[8] *Isid.* Versus in bibl.: Sunt hic plura sacra, sunt mundialia plura (цит. по: *Fontaine J.* Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique. Paris, 1959. P. 738–741).

[9] См., например, об этом: *Pérez de Urbel J.* Op. cit. P. 204–208.

[10] ESB. 32: Ergo, beatissime uir, ... necesse est ut iuxta nostram adortationem hunc Eugenium arcediaconum nostre cedas eclesie sacerdotem.

[11] *Rivera Recio J.-F.* Los arzobispos de Toledo. Desde sus orígines hasta fines del siglo XI. Toledo, 1973. P. 71.

[12] *Hildefonsi* DVI. 14.

[13] *Pérez de Urbel J.* San Eugenio de Toledo... P. 199.

[14] *Eugenii* Carmina. 25

[15] *Eugenii* Carmina. 26.

[16] *Eugenii* Carmina dubia. 51.

[17] См., например, эпитафию Хиндасвинта: *Eugenii* Carmina. 25.

[18] *Eugenii* Carmina. 2. Commonitio mortalitatis humanae; 5. De brevitate huius vitae; 13. Querimonia aegritudinis propriae; 14. Lamentum de adventu propriae senectutis etc.

[19] *Eugenii* Carmina dubia. 9. De iustitia; 10. De misericoridia etc.

[20] *Eugenii* Carmina. 25.

[21] ESB. 37.

[22] *Eugenii* Carmina dubia. 9. De iustitia.

[23] Ibid.

[24] Ex. 20.1–26.

[25] *Isidori* Etym. V.1.1.

26 *Eugenii* Carmina dubia. 9. De iustitia.
27 *Isidori* Sent. III.50.6.
28 *Eugenii* Carmina dubia. 10. De misericordia; *Eugenii* Carmina dubia. 17. De clementia.
29 *Eugenii* Carmina dubia. 10. De misericordia.
30 *Eugenii* Carmina dubia. 17. De clementia.
31 *Eugenii* Carmina dubia. 1, 3.
32 *Eugenii* Carmina dubia. 2. Ut timeas dominum legis praecepta secutus...
33 *Eugenii* Carmina dubia. 11.
34 Ibid.
35 *Eugenii* Carmina dubia. 12. De thesauro in caelo collocando.
36 Ibid.
37 Ibid.
38 *Ауров О.В.* Указ. соч. С. 97–98.
39 *Isidori* Differ. I.417.
40 *Eugenii* Carmina dubia. 5. De prudentia.
41 *Eugenii* Carmina dubia. 4.
42 Ibid.
43 LI. I.2.6.
44 *Eugenii* Carmina dubia. 15. De pace.
45 LI. I.2.6.
46 *Lynch C.H., Galindo P.* San Braulio, Obispo de Zaragoza (631–651). Su vida y sus obras. Madrid, 1950. P. 159–163; *González T.* La iglesia desde la conversion de Reccared hasta la invasion arabe // Historia de la Iglesia en España / Dirigida por R.G. Villoslada. Madrid, 1979. T. 1. P. 529–530; *Orlandis J., Ramos-Lisson D.* Historia de los concilios de la España romana y visigoda. Pamplona, 1986. P. 336–337; *Ureña y Smenjaud R. de.* Legislación gótico-hispana: (Leges antiquiores-Liber Iudiciorum). Estudio crítico. Pamplona, 2003. P. 351–354.
47 В издании Л. Риеско-Терреро это письма 38–41 (Epistolario de San Braulio // Introd., ed., trad. por L. Riesco Terrero. Sevilla, 1975. P. 150–152).
48 Conc. de Toledo VIII (a.653). *Tomus regius* Reccesvinti regis. См. также: *Orlandis Rovira J.* La iglesia en España visigótica y medieval. Pamplona, 1976. P. 169–175; *Orlandis Rovira J.; Ramos-Lissón D.* Op. cit. P. 170–182.